чацца ужъ, до́чери, съ Василькой съ этѣмъ. А енеральской сынъ остается такъ.

23. Повѣнчались; попировали сколько время. Царская дочь благословила по смерть свою въ этой крѣпостѣ старику со старухой изжить. Онѣ по́жили много время. Сталъ онъ [Васенька] у ей [у жены] просицца: „сестру привезти въ твоё государство дозво́ль! Тамъ она пропадётъ, какъ *пади́ча*: не свяшше́нниковъ, никово нѣтъ".—Царская дочь ему приказала сестру привезти. Онъ пріѣзжаетъ на левъзвѣрѣ къ сестрѣ своей.—„Сестра! начинаемъ мы нынче съ тобой всю ночь Богу молицца, а *заутра* отправимся въ русское государство!"

Всю ночь Богу промолились. Поутру́ вышли онѣ на утренную ро́су; утренной росой промывали ей глаза. Глаза у нёй глядѣть стали по старому. Приводитъ её въ русское государство; обрядили её въ хорошое платье. Пожила́ она съ мѣсяцъ, потомъ направи́лась какъ требно быть. Дѣви́ца она хорошая. *Заглянула́сь* енаральскому сыну,—сталъ онъ у ево сватать её. Выдалъ онъ за енеральскаго сына.

---

6. [Иванъ Царевичъ и Елена Прекрасная].

1. У царя были сынъ да три дочери. Царь сталъ помирать, сыну наказываетъ: „*Мотри́, пе́рво* дочерей отдай, а потомъ самъ женися!" — Царь померъ; схоронили и помино́чки отвели. Поживаютъ годъ и два. Старшей сестрѣ стукнуло 30 лѣтъ, а второй было 26, младшей съ залишнымъ 20 годовъ. Время и Ивану царевичу женицца. Приходитъ къ сёстрами на совѣтъ: „Што, сёстры, стало быть,—за Вами женихи не пріѣдутъ—мнѣ сро́ду и не жени́цца?" — Старшая сестра говоритъ: „запреги карету, поѣжжай: не найдёшь ли въ чужой державѣ мнѣ жениха?"

Запрёгъ золотую карету, поѣхалъ искать. Только проѣхалъ станцію,—ѣдетъ рыцарь не хуже ево на такой на золотой каретѣ же. — „Постой, Иванъ царевичъ, скажи мнѣ, куды ты поѣхалъ?"—Иванъ царевичъ сказалъ: „Есь у меня старшая сестра, охота мнѣ её замужъ отдать,

женишка ей съискать". — „Ладно, хорошо"; этотъ самой мо́лодецъ: „согласенъ я ее взять, я за тѣмъ жо пое́халъ — невѣсту искать себѣ". И онъ объяснилъ ему такъ: „я уро́децъ, у меня одна рука со́хлая" (за́годя объяснилъ ему женихъ). — „*Мо́жотъ*, сестрѣ погля́нѣшша, это ничево!"

2. Пріѣжжаютъ къ Ивану царевичу. Сестра выбѣжала стрѣчать ихъ: „Што, братъ, привёлъ жениха?"—„Привёлъ, вотъ гледи́". — Женихъ поглянулся ей, согласилась она за ево идти; и они съ ей повѣнчались. День пировали. Дѣло къ ночѣ; взяла она ево за ручку, повела́ въ спа́льну. Поставилъ онъ [Иванъ царевичъ] дежурнова одново: „мотри́, не прокарауль; я ево не спросилъ, какъ зовутъ и отколь".—Ночь проходитъ; поутру Иванъ царевичъ приходитъ, заглянулъ въ горницу: нѣту никово, онѣ уѣхали. Дежурнова *ма́нулъ* по шишкѣ и въ терёмной за́мокъ свёлъ, заковалъ.

3. Приходитъ на совѣтъ къ сестрами къ другими. — „Што, се́стры, за вами если не пріѣдутъ, неужели мнѣ сроду не женицца?!" — Сестры посылаютъ: „съѣзди, братчикъ, по чужимъ державамъ, можетъ и мнѣ не найдешь ли жениха!?"—И сдѣлался очень радъ Иванъ царевичъ; приказалъ кучеру запрекчй карету золотую.

Только поѣхалъ станцію, — ѣдетъ на стрѣчу не хуже ево такой же рыцарь на золотой каретѣ.—„Стой, Иванъ царевичъ! скажи мнѣ подробно, куды ты поѣхалъ?" — Иванъ царевичъ сказалъ: „Есь у меня двѣ сестры, и охота мнѣ середнюю сестру за́мужъ отдать; я за этимъ поѣхалъ, женишка искать".—„И я также поѣхалъ невѣсту себѣ искать". —„Ну, поѣдемъ!" сказалъ Иванъ царевичъ. Пріѣзжаютъ къ Ивану царевичу. Сестра середняя выбѣгаетъ: „Што, братчикъ, привёлъ жениха?"—„Привёлъ, вотъ гляди!"—Она сдѣлалась согласна. Пошли къ вѣнцу, повѣнчалися съ имъ.

День пировали. Дѣло къ ночѣ. Взяла она ево за ручку, повела въ спальну.... Поставилъ онъ [Иванъ царевичъ] двухъ дежурныхъ: „*мотри́те*, вы не прокарауль те!" — И онѣ всю ночь сидѣли, не спали несколько, караулили. Поутру Иванъ царевичъ спаётъ: „Што, въ комнатахъ зять?" — „Должо́нъ быть въ ко́мнатахъ; всю ночь не отворялась дверь!"—Ивапъ царевичъ глянулъ въ комнату: нѣтъ никово. Иванъ царе-

вичъ задалъ *имя́* по *лѝзѣ* и отправилъ въ тюремной за́мокъ ихъ (за ето, што прокараулили).

4. Потомъ сталъ малой сестрѣ говорить: „Што, сестра, если за тобой женихи не пріѣдутъ, мнѣ сроду и не женицца?“ — Сестра ево посылаетъ тоже жениха искать. Запрёгъ золотую карету, проѣхалъ *станцію*, ѣдетъ другую. Ѣдетъ рыцарь. *Сверстáлся* проти́въ ево и говоритъ: „Стой, Иванъ деревичъ! скажи мнѣ, куды ты поѣхалъ?“ — Иванъ царевичъ сказалъ: „въ чужу державу: охота мнѣ малую сестру замужъ отдать за ково-нибудь“. — „Отдай за меня! Я кругомъ уродецъ: у меня обѣ руки *сохлыя*, и плохо я недови́жу, и но́ги плохо хо́дятъ“. — „Ну, поѣдемъ, што же! можетъ, сестрѣ погля́нёшша?“ — Пріѣзжаютъ къ Ивану царевичу.

Сестра выбѣгаетъ и говоритъ: „привёлъ жениха?“ — „Привёлъ, вотъ гляди́!“ Обсказалъ сестрѣ: „*смотри́*, сестра, не ошибись! онъ кругомъ уродецъ!“.... — „А что человѣка канфузить! всё-таки я за ево пойду“. — Сходили, повѣнчались. День пировали. Дѣло къ ночѣ; повела она ево въ спальну. И поставилъ онъ [Иванъ царевичъ] трёхъ дежурныхъ и наказывалъ: „*смотри́те*, и вы, подлецы, не прокараульте! караульте поперемѣнно, не спите!“

5. Услы́шалъ это женихъ, вышолъ и говоритъ: „Иванъ царевичъ! пошто́ же ты поставилъ дежурныхъ караулить меня?“—„Какъ же мнѣ не ставить? Отдаю я за третьева и не знаю: какъ зовутъ и откуль какой есь?“—„Когда ты не знаешь, я тебѣ скажу: о́тдалъ ты своихъ сестёръ за насъ за трёхъ бра́товъ; прозванья у насъ разные: большой братъ — Медвѣдь Медвѣдѐвичъ, а второй братъ — Воронъ Воронѐвичъ; а моя фами́ль лёгкая: меня зовутъ Воробей. Иванъ царевичъ, оставь етотъ караулъ! если тебѣ угодно, самъ съ огнёмъ стой у двери: когда захочу я уѣхать, тогда тебѣ не увидѣть!“ — Иванъ царевичъ поставилъ трёхъ дежурныхъ и самъ стоялъ всю ночь съ огнёмъ, дежурилъ.

Иванъ царевичъ послѣ полно́чи глянýлъ въ *шху* ко́мнату, — нѣтъ никово; выбѣжали на у́лку — и кареты нѣтъ. Иванъ царевичъ говоритъ: „стало быть, не виноваты и тѣ солдаты; расковать ихъ и изъ тюремнова замку выпустить ихъ, тѣхъ дежурныхъ!“

6. Иванъ царевичъ отправился въ Сенотъ посовѣтоваца

своймъ енера́ламъ: „Господинъ енералъ, я оставляю вмѣсто себя тебя, а самъ отправляюсь искать себѣ невѣсту!“—Насушить приказалъ сухарей и отправился по Уралу ди́кимъ мѣстомъ, не путёмъ, не доро́гой. И шолъ онъ; нечаянно выходитъ: стои́тъ преогро́мной домъ. Подходить къ дому. Изъ етова дому Медвѣдь Медвѣдѣвичъ, старшой зять, выбѣгаетъ съ ево сестрой, встрѣчаетъ ево. Всякими напитками начали ево по́тчивать и стали ево спрашивать: „куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ? скажи подробно намъ!“—„Думаю себѣ невѣсту взять не простую, а царицу Елену Прекрасную“.

„Я бы *та́чилъ* тебѣ, Иванъ царевичъ, воротѝцца назать: у ней 10 богатырей на *аржано́й* соломѣ сидятъ голодуютъ, и тебѣ не миновать, што не поголодать!“ — „Ну, што́ будетъ, то и будь! всѐ таки я пойду!“—„Ну, пойдёшь, такъ я тебѣ дамъ подарокъ: на́ вотъ тебѣ бутылочку одногорлую! пойдёшь по дорогѣ, да захочешь *исъ*, такъ махни въ ту сторону и въ другую, тутъ увидишь, што будетъ! а если тебѣ не надо, махни бутылкой кверху,—ничево́ и не будетъ“. — Принялъ подарокъ, въ карманъ поло́жилъ, отправился въ путь.

7. Шолъ онъ *станцію* и захотѣлъ *исъ*: „Эка сестра злодѣйка, не дала мнѣ на дорогу и хлѣба!“ — Вынимаетъ бутылку, отворяетъ пробку, махнулъ въ ту сторону и въ другую,—выходитъ царство, и слугъ передъ имъ много оказалось; пошло ему угошшёнье тута. (Оттово сестра не дала и хлѣба). Похвалилъ зятя; „какъ я теперь буду это царство собирать?“ Полежалъ Иванъ царевичъ на диванѣ, отдохнулъ онъ немного, взялъ эту бутылку, махнулъ ей кверху,— и ничего не стало. Взялъ эту бутылку въ карманъ и самъ вперёдъ пошолъ.

8. Проходитъ онъ *станцію*, увидѣлъ домъ не хуже това, чѣмъ не лучше; изъ этова дому выходитъ Воропъ Вороневичъ и сестра ево средняя; ево встрѣчали, собрали на столы, начали ево по́тчивать. И зять ево выспрашиватъ: „куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ? скажи намъ объ своёмъ походѣ“.—„Думаю я *мнѣньемъ* себѣ взять невѣсту не простую, а Елену прекрасную царицу“. — „Не хуже мы съ братьями тебя, по три года бились, да ничѐ не могли подѣлать! *Та́чилъ* бы я тебѣ воротицца; есь у ей 10 богатырей, мрутъ

на аржаной соломѣ; и тебѣ не миновать, што не поголо дать, — говоритъ: — въ тюремномъ замкѣ!" — „Ну, ужъ што задумалъ! всѣ-таки пойду!" — „Ну, пойдёшь, такъ я дамъ тебѣ бутылку двухгорлую; знаешь ле што въ неё подѣлать?"—Иванъ царевичъ на то сказалъ, што „знаю".

9. Отправился въ путь дальше. Нечаянно попалъ на третей домъ, гдѣ этотъ самой Воробей живётъ. Воробей ево съ сестрой встрѣчаетъ; начали ево угошшать. Спрашиваютъ: „куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ?" — „Думаю я себѣ взять невѣсту не простую, а Елену прекрасную царицу".—„*Тамчилъ* бы я тебѣ воротицца; есь у ей 10 богатырей, мрутъ на аржаной соломѣ, и тебѣ не миновать, што не поголодать".—„Што будетъ, то и будь, пойду въ путь!"—„Ну, пойдёшь, такъ я тебѣ дамъ подарокъ". Подарилъ онъ ему трехгорлую бутылку. „Знаешь ле што въ неё подѣлать?"—„Знаю".

10. Отправился въ путь дальше. Нечаянно пришолъ къ Еленѣ Прекрасной въ городъ. Идётъ городомъ и спрашиваетъ: „кто въ этѣмъ городѣ проживаецца?"—Сказали, што „правитъ этимъ городомъ Елена Прекрасная". — Доходитъ онъ до её дворца, заходитъ къ ей во дворецъ. Стоитъ дежурной у парательно крыльца и говоритъ: „братецъ, што нужно? докладъ мой! не ходи безъ доклады!"—Иванъ царевичъ, не говоря, *пласнулъ* этова дежурнова,—онъ и съ ногъ долой!

Заходитъ въ её палаты. Увидала Ивана царевича, затопала на ево ногами. — „Хто тебя, мерзавца, безъ докладу дозволилъ зайти въ мои палаты?" — „Я человѣкъ не простой, Иванъ царевичъ! за добрымъ словомъ, за сватаньемъ пришолъ къ тебѣ",—говоритъ. Она приказала ево заковать, свести въ тюремной замокъ на аржану солому. Повечеру привозятъ къ *имя* возъ соломы. Иванъ царевичъ не велитъ соломы сваливать.—„Не нужно намъ соломы, мы пропитаемся и безъ соломы!" сказалъ Иванъ царевичъ. Послѣ етова вынимаетъ одногорлую бутылку, махнулъ въ ту сторону и въ другую, — выходитъ царство, пошло *имя* угошёнье.

11. Разгулялись эти самые богатыри и сказали: „если вы, дежурные, отъ насъ не уйдёте, весь тюремный замокъ *раскатамъ* и васъ убьёмъ!" — Одинъ дежурной убѣжалъ съ

докладомъ Еленѣ Прекрасной сказывать. Посылаетъ Елена Прекрасная служанку, што „не продастъ ли ету самую бутылочку?"—Служанка приходитъ: „Иванъ царевичъ, не продашь ли намъ бутылку?" -- „Не продажна, а завѣтна". — „Какой жо вашъ завѣтъ?"—„Завѣтъ нашъ: часъ время ее тѣло поколѣнъ посмотрѣть".—Служанка приходитъ, ей объясняетъ: такой-то завѣтъ.

— „Привести ево! што жо, вѣдь, онъ погледитъ, ничево не сдѣлатъ, а всѣ таки отобрать надо!" Расковали, привели, она открыла по колѣнъ тѣло; посмотрѣлъ часъ время онъ у ней. Часъ проходитъ; закрываетъ колѣнки, беретъ бутылку.—„Заковать ево, просмѣшника! въ тюремный замокъ отвести опять!"

12. Иванъ царевичъ вынимаетъ двухгорлую бутылку, махнулъ въ ту сторону и въ другу,—выходитъ *ишо* тово лучше государство; пошло́ *имя* ишо угошенье такоё-жо. Потомъ они напились, наѣлись, закричѣли на сторожо́въ: „если вы не уйдете, васъ всѣхъ перебьёмъ и тюремной замокъ раскатаемъ!"—Одинъ дежурной прибѣжалъ съ докладомъ, што богатыри разгулялись: изъ бутылки Ивана царевича вышло царство ешо лучше тово.

Она посылаетъ дѣвку-служанку опять. Дежурной приходитъ и говоритъ: „Иванъ царевичъ, не продажна ли у тебя бутылочка?"—„Не продажна, а завѣтна".—„Какой у тебя завѣтъ?"—„Завѣтъ у меня—по пупъ тѣла посмотрѣть два часа".—Она на тѣмъ рѣшила, што расковать, привести смотрѣть ево (не выхватитъ, говоритъ, онъ у меня, вѣдь). Приводятъ ево; она открываетъ платье, и онъ просмотрѣлъ два часа. Два часа проходитъ, тѣло она закрываетъ, бутылочку у ево отбираетъ; приказала ево свести опять въ тюремной замокъ.

13. Въ трётей разъ трёхгорлую бутылку оттыкаетъ, махнулъ въ ту сторону и другую,—вышло царство ешшо лучше тово, пошло имя угошшенье. Напились, наѣлись, зашумѣли, прогнали дежурныхъ: „если вы не уйдете, васъ всѣхъ перебьёмъ и тюремной замокъ раскатаемъ!"—Одинъ дежурной прибѣжалъ съ докладомъ, што богатыри разгулялись: изъ бутылки Ивана царевича вышло царство ешо лучше тово.

Она посылаетъ дѣвку-служанку опять: „што онъ про-

ситъ?" — „Не продажна, а завѣтна". — „Какой у тебя завѣтъ?"—„Пушшай жо она въ своихъ комнатахъ поставитъ двѣ кровати вмѣсто, и мы съ ей лягёмъ на кровати, штобы она никакіе рѣчи не могла говорить со мной, не худые, не добрые (а лежать на разныхъ кроватяхъ); затѣмъ вмѣстѣ: если я буду говорить, то она мнѣ голову сказнитъ; а если она будетъ говорить, то съ ей голову снять!"—Согласилась.

14. Пополъ изъ тюремнова замку, наказалъ своими богатырями: „въ полночь вырвитесь, придите и кричите: ура! ура! взяли, взяли!"—Приходитъ, лёжёцца съ ёй на разные постели и договорился, штобы отнюдь никакія рѣчи не говорить, не худы, не добрые. И отворотился отъ ее и лежитъ, уснулъ крѣпко, не разговариватъ. Елена Прекрасная умомъ своимъ думаетъ: „и поговорила бы я съ нимъ, да нельзя говорить!" Помаялась и уснула крѣпко. Около полночи вырвались 10 ухорѣзовъ, приходятъ и закричѣли вразъ: „ура! ура! взяли! взяли!"—Она испужалась этова шуму, задурѣла, соскочила съ кровати, закричѣла.

Иванъ царевичъ схваталъ ее за волосы, замахнулся на нее саблей, хотѣлъ съ ей голову снести. Она сказала: „Иванъ царевичъ, не сѣки мою голову, я добровольно за тебя замужъ пойду!"—„Ладно, хорошо!"—До утра доживаютъ; съѣздили онѣ, повѣнчались; пошла у нихъ пировка послѣ етова. Когда опъ повѣнчался, пожалѣлъ ётѣхъ богатырей, выпустилъ ихъ на волю, напоилъ ихъ водкой.

15. Живётъ съ ей мѣсяцъ и два этакъ; обжился; домой етакъ не торопицца. Она ему и говоритъ: „Иванъ царевичъ, вездѣ ты ходи, вотъ въ этотъ подвалъ не ходи и не гляди!"—„Ладно", говоритъ.—Она ушла въ садъ въ розгулку; онъ идётъ по двору, до этова подвала дохóдитъ.—„Штò такое? все таки я погляжу, ничево не сдѣлаюца мнѣ!" — Отворяетъ этотъ подвалъ. Стоитъ старичокъ на огненной доскѣ. И такъ онъ старика сужалѣлъ: „Ахъ, дѣдушка, тошно тебѣ стоять на огненной доскѣ!"—Сказалъ старикъ: „если, молодецъ, ты меня спустишь съ доски, я тебѣ два вѣка ешо прибавлю! (ты будешь жить три вѣка)".

Иванъ царевичъ сужалѣлъ, оборвалъ у ево цѣпи, вывелъ старика изъ этой конюшни. Старикъ ударился объ

землю, поддѣлъ Елену Прекрасную изъ саду и увёзъ. Иванъ царевичъ ждалъ нѣсколько сутокъ, дёнъ до пяти,— нѣтъ Елены Прекрасной (думать, што въ гости она отправилась).

16. Иванъ царевичъ поймалъ себѣ коня, поѣхалъ на розыски—искать Елену Прекрасную. Поѣхалъ по дикому мѣсту, *натакался* на Елену Прекрасную въ такомъ домѣ её. Елена Прекрасная сплакала — стрётила ево. — „Ну, я тебѣ говорила! нашто ты ево спустилъ? Пушай бы онъ дорогáлъ бы, старой пёсъ!“—Тогда хозяина дóма не было; посадилъ Иванъ царевичъ Елену Прекрасную, повёзъ онъ её въ свое государство опять домой. Пріѣзжаетъ старичокъ домой, походилъ по кóмнатами, нигдѣ нѣтъ [Елены Прекрасной].

Приходитъ въ конюшню къ своёму коню. — „А што, конь, гость былъ?“—Конь сказалъ: „былъ“.—„Елену Прекрасную увёзъ?“—„Увёзъ“.—„А скоро ли мы мóжемъ её догнать?“—„Двои сутки попируемъ,—*тожнó* догóнимъ!“—На третьи сутки сялъ на коня, однѣмъ мигомъ ево догнáлъ, не допустилъ до царства.—„Стой, Иванъ царевичъ! Нарушилъ бы я тебя, да слово перемѣнить не хочу своё: вѣкъ ты свой прóжилъ, ешо тебѣ два вѣка жить!“—Ссадилъ Елену Прекрасную и увёзъ домой.

17. Иванъ царевичъ потужилъ-потужилъ, пóжилъ у ей въ государствѣ, выбралъ себѣ коня получше, поѣхалъ опять за ей. Пріѣзжаетъ къ ей въ домъ, ево опять дома нѣтъ. Посадилъ Елену Прекрасную, повезъ домой. Не черезъ дóлго время прибылъ этотъ хозяинъ, дóма *погáркалъ*, потомъ къ коню своёму приходитъ.—„А што, конь, госьть былъ?“—„Былъ и Елену Прекрасную увёзъ“.—„А скоро ли мы можемъ её догнать?“—„Суточки попируемъ, да догонимъ!“—На другія сутки сялъ онъ на коня. Догналъ; „ешо тебѣ вѣкъ одинъ жить!“—Ссадилъ Елену Прекрасную и увёзъ домой.

18. Бросилъ етова коня Иванъ царевичъ, отправился ешо счасья искать, не поѣхалъ къ ей въ государство. *Ночнымъ бытóмъ* нечаянно приходитъ къ етакой избушкѣ: избушка стоитъ на козьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, повёртыватца.—„Ну, избушка, стань по-старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задóмъ ко мнѣ передóмъ!“—Зашолъ въ эту избушку.

Въ этой избушкѣ живётъ Ягá-Ягúшна: „Фу-фу, русскова духу слыхóмъ не слыхать и видóмъ не видáть, а русской духъ ко мнѣ пришолъ—человѣкъ не простой, а Иванъ царевичъ!... Куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ?“—„Я пошолъ себѣ счасья искать!“—„Наложу я на тебя три дни службу; черезъ три дни я тебѣ—чё тебѣ погля́нёцца, то и дамъ!“—Согласился Иванъ царевичъ три сутки прослужить.

19. Поутрý она дала ему 10 кобыли́цъ, одинадцатова жеребца, пасти́. Онъ ихъ спуталъ на долúну и пасётъ. „Куды они уйдутъ?—Нéкуды уйти!“ А самъ лёгъ спать. Солнышко *назакать*,—проснулся Иванъ царевичъ, видитъ: кобылъ нигдѣ нѣту. Искалъ много время и не можетъ ихъ найти.

— „Кабы мнѣ на ето время зятя Воробья! онъ бы помогнýлъ моéму горю!“—А Воробей всё равно какъ тутъ и былъ.—„Ахъ, Иванъ царевичъ, потерялъ своихъ кобылъ!“—Воробей ударился óбъ землю, сдѣлался жеребцомъ, началъ кобылъ искать. Нашолъ, началъ легáть и кусать, прúгналъ ихъ; „ну, теперь, Иванъ царевичъ, гони!“—Прúгналъ Иванъ царевичъ, сдалъ ихъ Ягѣ-Ягúшнѣ.

20. Переночевалъ потомъ ночь. Поутру она ему даётъ 10 *гусихъ*, одинадцатова гусака, пасти. До вечера доспáлъ, потерялъ гусей, не можотъ найти.—„Кабы мнѣ на эту пору зятя Воробья! онъ помогнýлъ бы моéму горю!“—Воробей тутъ и былъ. Ударился óбъ землю, сдѣлался орлóмъ, полетѣлъ на рóзыски гусей. Воробей разыскалъ гусей, начáлъ шшипáть ихъ, только изъ ихъ перья летятъ. Пригналъ ихъ къ Ивану царевичу.—„Ну, Иванъ царевичъ, гони!“—Пригоняетъ, сдаётъ онъ Ягѣ-Ягишнѣ.

21. Ночь переночевалъ. На третьи сутки она даётъ ему 10 утокъ пасти, одинадцатова сéлезня. Вы́гналъ на *залы́гину* (въ логу), а самъ лёгъ спать. Сонцо ужо сяло, онъ *тожно́* проснулся. Утокъ нѣту; не могъ найти.—„Кабы мнѣ на эту пору зятя Воробья!“—Воробей къ нему прибываетъ.—„Сегодня утокъ потерялъ! Ну, никуды не дѣваюцца!“—Сдѣлался ястребомъ, нашолъ ихъ въ камышáхъ, пригналъ.—„Ну, Иванъ царевичъ, гони!.. Иванъ царевичъ, у ней 10 дочерей, станетъ давать изъ любыхъ, ты не бери;

давать станетъ тебѣ золота, ты и золота не бери, и никакихъ деньги не бери! А есь худой жеребчи́шко, кое-какъ ноги переплётыватъ, —ты ево возьми, онъ тебя на путь наставитъ!"

22. „Иванъ царевичъ, не желаешь ли изъ 10-и дочерей любую взять?—я тебѣ подарю счасье!"—„Мнѣ дочерей твоихъ не надо, и денегъ мнѣ твоихъ никакихъ не надо! и ты отдай мнѣ худова этова жеребенка!"—„Неужели ты у меня это только и заслужилъ?"—„А што? былъ до́говоръ: што́ я желаю, то и отдай!"

Отдала она ему худова жеребенка. Онъ повёлъ ево по Уралу. Жеребенокъ говоритъ ему: „будетъ тебѣ меня вести, я пойду погуляю съ мѣсяцъ. Черезъ мѣсяцъ я прибуду къ тебѣ, ты не уходи съ этова мѣста!"—Вынимаетъ одногорлую бутылку, махнулъ въ эту сторону и другую,—вышло прекрасное царство, и онъ въ этѣмъ государствѣ съ мѣсяцъ проклаждался (покуль ево жеребецъ отдыха́етъ). Черезъ мѣсяцъ жеребецъ прибѣгатъ, говоритъ: „будетъ ужъ отдыхать, теперь надо дѣло вести!"—Иванъ царевичъ взялъ одногорлую бутылку, махнулъ кверху, ничево не стало; остался онъ на лужо́чкѣ; бутылку́ запехнулъ въ карманъ.

23. Конь сказалъ ему: „я поѣхалъ бы съ тобой сейчасъ за Еленой Прекрасной, только нельзя теперь ѣхать. Поѣдемъ мы съ тобой на такую-то го́ру. На этой горѣ стоитъ дубъ, на этѣмъ дубу есь гнѣздо, въ этѣмъ гнѣздо [sic!] есь Кошше́я Безсмёртнова яйцо́ (этотъ старикъ Кошшей Безсмёртной называется). Мотри́, Иванъ царевичъ, садись на меня, крѣпше держись, штобы тебя вѣтромъ не спшибло!"—Онъ сялъ на коня и все равно ми́гомъ пріѣхалъ на эту гору, къ этому дубу.—„Залѣзай на дубъ, снимай яйцо и не бей ево: тихонько положь въ карманъ, береги сто яицо!"—Слѣзъ съ дубу. Конь ему говоритъ: „братъ мой служитъ у Кошшея Безсмёртнова; братъ двухкрылой, а я шестикры́лой; я побѣгу мало-мало съ имъ рысью, и то брату во вѣки меня не нагнать. Пріѣдемъ къ нему въ домъ; если онъ [Кошшей] дома, то бей ево яицомъ въ лобъ: какъ яицо разлети́цца, такъ и онъ нарушѝцца тутъ жо".

24. Онѣ пригоняютъ въ домъ,—Кошшея Безсмёртнова

нѣтъ дома. Конь пошолъ къ брату, а онъ пошолъ къ ей въ домъ. Конь отворилъ только двери,—братъ обрадовался: малова брата увидалъ.—„Гдѣ ты, малой братъ, проживался долго время? я тебя не видѣлъ!“—„Я проживался у Яги-Яги́шны; она меня заморѝла... Помоги́ Ивану царевичу Кошшея Безсмёртнова убить!“—„Ево убить лѣвой рукой: кабы достать съ дубу яицо̀, вотъ ево и смерть!“—„Это мы достали, у насъ въ карманѣ!..“—„Ты, братъ, *айда́* шагомъ; а если пойдёшь рысью, то мнѣ не догнать тебя!“... Онъ [Иванъ царевичъ] посадилъ Елену Прекрасную на своёва коня, поѣхалъ шагомъ.

25. Прибылъ Кошшей Безсмёртной не черезъ долго время домой; кричѣлъ въ комнатахъ Елену Прекрасную,—ее дома нѣтъ. Являлся онъ, между тѣмъ, къ коню.—„А что, конь, гось былъ?“—„Былъ“.—„Елену Прекрасную увёзъ?“—„Увёзъ“.—„А скоро ли мы можомъ ево догнать?“—„Да если шагомъ повезётъ, *дакъ* догонимъ, а рысью побѣжитъ,—во вѣки не нагнать“.—Садился на коня, отправлялся ево догонять. Догналъ ево доро̀гой, остановилъ: „ну, я теперь *нарушу́* тебя, Иванъ царевичъ, тебѣ будетъ и жить!“—Иванъ царевичъ слѣзалъ съ коня: „Давай теперь мы съ тобой побра̀туемся!“—Вынялъ изъ карману яицо̀, ударилъ Кошшея Безсмёртнова по̀ лбу,—онъ тутъ и ко̀нчился.

Посадилъ Елену Прекрасную на старшова коня, самъ сялъ на младшова, поѣхалъ въ своё государство, въ русское (не поѣхалъ къ Еленѣ Прекрасной). Приво̀зитъ въ своё государство. Поѣхалъ своихъ зятевьёвъ собирать, заводить пиръ. Собралъ своихъ зятевьёвъ и вотъ онѣ тутъ нѣсколько сутокъ съ *имя́* пировали.

---

7. [Мишка-Котома-Конюхъ и Катунъ-Дѣвица].

1. У царя былъ сынъ, и онъ задумалъ ево женить. Собиралъ *дýмшихъ* и сенато̀ровъ, посыла̀лъ во всѣ страны (по всѣмъ стра̀нами) народу собирать. Много народу съѣхалось—князьёвъ и боя̀ровъ и простонародія.—„А што, міръ православна̀вной, не зна̀ите ли въ какихъ городахъ моёму сынку невѣстку *баску́*?“—И всѣ отказались. Одинъ изъ ене-